

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.

«[Люби Россию в непогоду](#)» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

РЕФОРМА

Об армейской реформе говорят много, но весьма однообразно. Все сходится во мнении, что армейская реформа вполне назрела, что она остро необходима, но никаких реальных шагов ради этого не просто общегосударственного, но скорее общенародного дела, не осуществляется, и остро необходимая идея по-прежнему стоит на запасном пути без какого бы то ни было стремления к движению.

А пресса помалкивает. Редко-редко промелькнет статейка-другая, но и статьи застенчивы, и мысли, в них высказанные, тоже. Такое ощущение, что армия все еще не наша, не народная, а как была государственной мускулатурой во времена большевизма, так ею и осталась. И это весьма опасно, поскольку, хотя ею и распоряжаются их превосходительства господ генералы, но служат-то в ней сыновья и внуки самых, что ни на есть обыкновенных граждан. Не увенчанных ни золотыми погонами, ни красными лампасами, ни головными уборами с тульей времен Великой Французской революции. Думается мне, потому, что вопрос с армейской реформой несет в себе отнюдь не келейно-кабинетный, а воистину всенародный характер, и обсуждать его придется либо с открытой душой времени сегодняшнего либо исподтишка, как то привыкли делать наши горе-правители времен большевистской оккупации.

Армия – общественный институт куда более историко-культурного порядка, нежели экономического. Были времена, когда армий, как общественных институтов, не существовало, и мы уже вступили в тысячелетие, когда они исчезнут за ненадобностью. Полагаю поэтому, что бесспорно необходимую стране военную реформу следует предварить массивной пропагандой, направленной, прежде всего против рожденной большевистским режимом ксенофобии, разъяснением необходимости, прежде всего ее оборонительных целей и вспомнить, наконец, как об уважении ко всем народам, так и об интернационализме, разрушив, прежде всего миф о пресловутой продаже Отечества. У каждого народа есть единственный, веками проверенный путь опыта и традиций: его культура. Вот о ней и следовало бы вспомнить в самом широком смысле этого слова, решительно отмежевавшись от понимания под этим словом трясущихся на эстрадах молодых людей, страстно заглатывающих микрофоны.

Это – не культура. Это ее блудная дочь, родившаяся в Новом Орлеане и получившая наименование попсы. Она не имеет национальности и столь же

далека от культуры, как далек от великого полководца старательный прапорщик-сверхсрочник. Она съедобна, как сникерс, почему и завоевывает полуколонизальные и развивающиеся страны, по неразвитости своего национального достоинства повторяющие пройденное. Ни во Франции, ни в Германии, ни тем паче в Англии вы не найдете ничего подобного: там развивается свое, национальное эстрадное искусство. Оно гремит на площадках и в ресторанах, а заимствованная из-за океана помесь шаманства с бессмысленными выкриками кто кого любит застенчиво жметесь в особых клубах. Для любителей.

Культура – душа народа, за тысячу лет существования скопившего несметные богатства исторических традиций и обычаев, языка и литературы, свойственные только ей, свои песни и танцы, легенды и сказки и даже свою, ни на что не похожую кухню. Это и есть культура народа, осознавшего себя таковым, и обладающую как своей неповторимостью, так и своим местом в общей семье народов.

Душа создана для размышлений, а не для приплясываний. И когда дело касается всего народа, надо обратиться к его вековой мудрости. Для этого и созданы референдумы, а не выборочные вопросы с ошибками и допущениями, позволяющими любые толкования.

Я с нетерпением ожидал выступления Президента по телевидению, когда было объявлено, что он помянет о былом величии России. Я ожидал, что он вспомнит первого Лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина, помянет Блока и расстрелянного большевиками Гумилева, коснется Павлова, Вернадского, умершего в Самарской тюрьме, Вавилова, Мечникова, «Гулаг» Солженицына и «Тихий Дон» Шолохова. Каково же оказалось мое недоумение, когда нам предложено было гордиться первым полетом Гагарина! Спору нет, он совершил подвиг, однако если бы не погиб Бондаренко, если бы сам Гагарин заболел гриппом, то полетел бы другой, только и всего. Пропагандистский трюк не может являться культурным шагом в развитии страны, цивилизация – явление прикладной науки и техники, и вчерашний рекорд сегодня уже никому не нужен. Тем более, что сражение за покорение космоса мы проиграли американцам по всем статьям.

Державное представление о величии есть всего лишь воспоминание о силе. О чудовищной силе быка, которого тореро удерживает мулетой, заставляя танцевать вокруг себя: такое «величие» вас привлекает? Величие было у Македонии, когда ее царями были Филипп и его блистательный сын Александр Македонский. Такое величие было в Монгольской империи, когда там господствовала плеяда блестящих полководцев - Чингисхан, Субэдэй-багатур, Бату-хан: ну, и где же сейчас это бывшее величие? А вот величие России, Франции, Англии, Германии не исчезнет никогда, сколько бы войн они не проигрывали. Не исчезнет потому, что опирается не на тупую бычью силу, а на прочный монолит национальной культуры.

Только не путайте вы ее, Бога ради, с попсой! Договорились?

Когда я писал о татаро-монгольском нашествии, мне понадобились три поездки в страны, испытавшие трехсотлетнее турецкое его. Я был в Армении, Греции и Болгарии. И именно в Болгарии на симпозиуме, собранном по моей просьбе, я понял, что подразумевается под понятием иго.

Под этим понятием подразумевается:

1. Полное истребление военной касты подчиненного народа. То есть, его дворянства. Ни одна из посещенных мною стран не имеет дворянского класса. То есть, класса профессиональных защитников Родины.
2. Унижение господствующей религии завоеванного народа. Приземистые храмы, над которыми гордо высятся минареты – характернейший штрих архитектуры стран, на собственной судьбе испытавших иноземное иго.
3. Организованный геноцид против коренного народа. Мальчишков – в янычары с обязательной исламизацией, девочек – в гаремы властелинов Турции.

Ничего подобного в России не было при татаро-монгольском нашествии. Дворяне пользовались прежними привилегиями, детей в гаремы не отдавали, а Русская Православная Церковь с помощью монголов наконец-то окончательно расправилась с язычниками: они уходили добровольцами в монгольские войска, сражались на Яве и в Индокитае, а русская гвардия охраняла ставку хана Хубилая в Пекине. Захудалая Москва с помощью монголов стала столицей Руси, а монгольские войска честно и отважно хранили русские границы, принимая на себя удары Ливонского Ордена и литовцев, за что и получали пресловутую дань.

Зато представьте мое удивление, когда я приложил законы ига к XX-му столетию. Полное истребление военной касты? Так точно, не мытьем, так катаньем. Разгром храмов господствующей религии с расстрелами, ссылками, а то и распятиями на церковных вратах священнослужителей? Да до такого варварства и турки не додумались! Геноцид коренного населения? Сколько расстреляно без суда и следствия? Сколько померло от голода и холода в ГУЛАГах всех номеров и назначений? И после всего этого вы предлагаете нам вспомнить о советском режиме в качестве нравственной опоры? Окститесь, господин Президент! Мы – прямые наследники Великой России, а не господства полууголовной, а главное, полуграмотной банды большевиков. Мы нахлебались с ними дерьма по горло, мы хотим жить в достойной, уважаемой всеми стране, путь которой был проложен Государем Александром Вторым. Он провел реформы за пять лет, переведя полуфеодальную страну на рельсы капиталистического способа производства, а мы десять лет толчем воду в ступе.

В своих воистину исторических реформах Государь Александр Второй опирался на могучую русскую интеллигенцию. С ее помощью он провел не только отмену Крепостного права, но и полицейскую реформу, решительно разогнав старый, сросшийся с местной властью насквозь коррумпированный

аппарат, создав вместо него вполне современную полицию. После этого последовала знаменитая судебная реформа, в результате которой Россия получила не только суд присяжных, не только обязательную презумпцию невиновности, но и состязательность судебных процессов на всех уровнях. Имена блестящих русских адвокатов – Андреевского, Плевако и других – знала и высоко почитала вся Россия. И, наконец, реформа народного образования, к которой подошли с точным учетом, в каких именно специалистах будет завтра нуждаться Россия. И появились гимназии – т.е. средние учебные заведения, в которых упор делался на науки гуманитарные; реальные училища, в которых первое место занимали науки естественные: физика, химия, математика. Кадетские корпуса, готовившие офицерскую смену, и коммерческие училища, выпускавшие кадры для купцов и промышленников, банков, статистики, бухгалтерии. Кроме этого во всех городах были открыты городские школы с бесплатным обучением, а на селе – сельские училища и широкая сеть церковно-приходских школ. Русская молодежь получила возможность не только получать образование, но, с учетом этого выбора, и готовиться впоследствии послужить ему. Кстати, как гимназии, так и реальные училища обладали квотой бесплатного образования для способных детей из неимущих классов.

А что же сделали покорившие Россию большевики? А они распространили одинаковое по программам образование по всей территории Советского Союза, хотя подготовка городских и сельских ребятишек никак для этого не годилась. И через поколение мы получили массу малообразованных специалистов, абсолютно не готовых для принятия стратегических решений, но с присущим тому времени энтузиазмом рвались ломать и строить, что партия прикажет. Так погибла красивейшая река России, ее поэтический символ Волга, замененная на цепь вяло текущих водохранилищ, которые дурно пахнут затхлой водой даже с борта теплохода. Ее красные боры, заливные луга, золотые пляжи и практически вся рыба, которая кормила всю Европейскую часть России, уже исчезли. Та же участь постигла и Переяславльское озеро, где водилась удивительная по нежности сельдь, та же участь ожидает и славное море великий Байкал, когда каким-то писчебумажным чиновникам потребовалась для производства бумаги его чистейшая, уникальная вода. Вместо всего этого, вместо красоты, которой удивлялся мир, были сооружены гиганты индустрии, неспособные конкурировать ни с одной фирмой на западе, но зато «ковать оружие». Вот они его и куют, а живем мы только за счет внуков и правнуков, бездумно торгуя направо и налево нефтью, углем, никелем, молибденом, вольфрамом... Россия стала банкротом, за 75 лет прокутившая несметные богатства.

Большевицкая Россия, заполучив огромный запас заключенных, в конце концов вынуждена была прибегнуть к дикому в Двадцатом веке каторжному труду. В качестве опыта начали со строительства никому ненужного Беломорско-Балийского канала, который строили тысячи каторжан без всяких механизмов. Опыт удался, хотя никакой практической пользы это

строительство не принесло. Освоенный опыт работы за пайку хлеба перенесли на иные объекты: трижды начинали строить БАМ, копали так и не оконченный туннель под Сахалинским проливом, строили железную дорогу в тундре. Все это оставило лишь печальные памятники египетского труда без какой бы то ни было пользы для народного хозяйства. В какую графу мы отнесем эти «достижения» Советской Власти?

Но главная беда заключалась не в этом. Огромная сеть концлагерей, покрывшей черной оспой Сибирь, дальний Восток и даже центральные области, с ослаблением сталинского тиранического режима стала таять, расплзаясь по всей России вместе с выпущенными заключенными. Это не могло не привести, по крайней мере, к двум, чудовищным по своим последствиям явлениям. Во-первых, резко изменилось отношение к труду: советский человек и гвоздь-то начал заколачивать с тремя перекурами. Появилось воровство на производствах, на заводах и фабриках, в учреждениях и даже в учебных заведениях, и воров этих никто никогда не осуждал, ласково называя их «несунами». Во-вторых, блатной язык («феня») проник в язык не только разговорный, но даже в официальный. Меня, например, до сей поры весьма интересует вопрос, как переводчики умудрились перевести известный афоризм Первого Лица Государства: «террористов будем мочить в сортирах». Как?... Единственный приемлемый вариант, пришедший мне в голову, звучит как: «террористов будем отмывать в туалетах». Великий русский язык, на котором в Девятнадцатом веке были написаны великие книги, измельчал и опустился до уровня обывателя. На этом же уровне работает и наше телевидение, кроме разве что НТВ, да канала «Культура».

И в этом отчетливо прослеживается политика ига, которую ввел большевизм. Уничтожение наиболее массового класса России – его труженика и векового хранителя народной нравственности крестьянства – не просто лишили церкви, как с детства привычной опоры этой нравственности, но и вообще ликвидировали, как класс свободных мелких производителей. Организовали колхозы, но колхозникам пятнадцать лет не выдавали паспортов, поэтому молодежь бежала из деревень всеми доступными способами. Чем все это кончилось, можно судить по реплике Черчилля: «Я всегда думал, что умру от старости, но когда Россия, в прошлом кормившая Европу, стала закупать хлеб, я понял, что умру от смеха».

Но вернемся к реформам Государя Александра Второго. Одной из решающих реформ – кроме, разумеется, реформы об отмене крепостного права – была реформа военная. Она отменяла рекрутский набор и вводила обязательную воинскую службу для мужчин, достигших девятнадцатилетнего возраста сроком на семь лет. Реформа предполагала большие льготы в отношении единственного кормильца или женатого мужчины, имеющего более двух детей. Кроме того, она отменяла ряд привычных для России войск: гусар, уланов и драгунов, передавая роль легкой кавалерии девяти казачьим округам, калмыкам и башкирам, приравненным к ним по всем льготам. В армии оставались три основных рода войск: пехота, кавалерия и артиллерия, не

считая вспомогательных частей вроде крепостных, инженерных и частей обеспечения. Единицей измерения являлся полк, командир которого объявлялся полновластным распорядителем своей части, отвечая, в том числе не только за боевую подготовку, но и за здоровье вверенного ему состава и казну полка. Реформированная армия прошла жестокую проверку Русско-Турецкой войной, одержав ряд блестящих побед.

Существует устойчивый миф о том, что в рекруты брали на двадцатипятилетнюю службу. Это не соответствует действительности: служба была определена в двадцать лет, а двадцать два года были введены Александром Первым только на время Наполеоновских войн.

Второй миф заключается в том, что село, якобы, проливало горючие слезы, провожая рекрутов в армию. Наоборот, село радовалось за рекрута, потому что на государеву службу призывался крепостной, а возвращался с оной человек свободный и грамотный. Им завидовали, и любимые с нетерпением ждали их домой, поскольку рожденные от свободного мужа дети тоже оказывались свободными, без учета социального статуса матери. И это был едва ли не единственный путь на свободу для крепостного человека.

Следующий миф касается сказочного жалования русского офицерства. Субалтерн-офицер, т.е. подпоручик получал в пехоте 41 рубль с копейками. Из них он обязан был заказать для себя три формы одежды: повседневную, парадную и полевую, три пары соответствующих сапог, три шинели, три шарфа и лайковые перчатки, которые лопались буквально после первого дня службы. Если офицер завтракал только булкой с колбасой и чаем, а ужинал через день, его месячный дефицит равнялся ориентировочно десяти рублям. Ротному офицеру при тех же расчетах не хватало ежемесячно четырех рублей, и только заместитель командира батальона сводил концы с концами вполне благополучно. Отсюда вытекало основное правило Офицерского собрания, согласно которому желающий обрести семью офицер, во-первых, обязан был представить свою невесту Офицерскому собранию, а, во-вторых, получить от командира полка письменное разрешение на венчание в церкви. И командир никогда не давал такого разрешения, если офицер не дослуживался до должности заместителя командира батальона.

Заодно – еще несколько вдолбленных нам в головы мифов.

1. Октябрьский переворот 17-го года проходил отнюдь не под лозунгами «Вся власть Советам!», а под лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию!». Именно поэтому сопротивление ему было оказано лишь в Москве, где большевиками был обстрелян Кремль, и в Смоленске, где их артиллерия разгромила госпиталь для выздоравливающих офицеров.

2. Белое Движение с учетом всех штыков и сабель никогда не превышало цифры в 350 000 человек, в то время как численность Красной Армии составляла пять миллионов штыков плюс три кавалерийских армии: 1-я – Буденного, 2-я – Миронова, 3-я – Примакова. При этом вся эта громоздкая

армия потерпела жесточайшее поражение от войск Пилсудского в 20-м году, почему Россия надолго потеряла западные земли Украины и Белоруссии.

3. Первым Декретом дорвавшихся до власти большевиков был Декрет о Мире с признанием полного поражения России. По этому Декрету Советская Власть выплачивала Германии 6 миллиардов золотых марок и уступала ей Украину, Белоруссию и часть Прибалтики. И бесконечные эшелоны потянулись в Германию, доставляя ей хлеб и мясо, сталь и чугун. Этого Германии хватило на то, чтобы продержаться почти полтора года: сколько при этом погибло французов, англичан, американцев и иных молодых людей из государств Антанты, в нашей прессе никогда не упоминалось.

4. Красную Армию создавали совсем не красные полуграмотные командиры, а русские офицеры, которых в Красной Армии было свыше 170 тыс. В большинстве они оказались насильственно мобилизованными, вернувшись к своим семьям из разложенной большевиками армии, но много было и добровольцев именно потому, что большевики воспользовались теми лозунгами, которые они разделяли.

5. Празднование 7 ноября победы социалистической революции является полным вымыслом. Временное Правительство добровольно передало власть Советам Рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, встретив сопротивление лишь в двух городах, как было указано. По договоренности новое Правительство должно было проводить в жизнь программу Временного Правительства, чем оно и занималось, продолжая выборы в Учредительное Собрание. Однако по окончании выборов выяснилось, что большевики получили явное меньшинство едва ли не во всех выборных Округах. И на первом же заседании Учредительного Собрания, убедившись, что подавляющее большинство депутатов не являются сторонниками их программы, большевики уже на второй день просто-напросто разогнали Учредительное Собрание ("Караул устал!»), окончательно узурпировав власть. Однако многие губернии, города и уезды отказались им подчиняться, что и явилось началом самой длительной и самой жестокой гражданской войны в истории. Это случилось 6-го марта 1918 года, однако выглядело столь чудовищно несправедливым, что большевики предпочли нейтральное 7-е ноября этому дню откровенного произвола.

Таковы начальные вехи насильственного захвата власти и воследствовавшего ему ига большевиков. Далее было уничтожение крестьянства, террор против интеллигенции и установление жестко контролируемой вертикали власти. Никакие Советы не являлись действующими органами: это была всего-навсего декорация демократии. Всем распоряжалась Коммунистическая партия, выборность в которой всегда была многоступенчатой, и Россия окончательно потеряла все признаки демократического государства. Говорить о каких бы то ни было «достижениях» на черном фоне общегосударственного террора, по меньшей мере, бестактно.

Единственной бесспорно великой победой Советского Союза является победа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Не будем касаться проигранной неумными руководителями СССР дипломатической игры – факт остается фактом. И все же я твердо убежден, что глубочайшее самопожертвование советского народа, ярчайшие примеры его героизма, яростное сопротивление в тылу, как партизанских отрядов, так и оставшихся на оккупированной территории частей и соединений Красной Армии явились основой нашей победы во всенародной борьбе в куда большей степени, нежели реальное руководство партии большевиков.

Учета наших боевых потерь нет вот уже более полувека. В мире вы не найдете страны, в которой существовало бы такое бессердечное, наплева- тельское отношение к павшим воинам, но это – факт, и наше сегодняшнее оп- ределение «свыше 30 миллионов» лишь подчеркивает это нечеловеческое по чиновничьему равнодушию отношение к своим же согражданам. О солдатах, не по своей воле сдавшихся в плен, и говорить не приходится. Если во всех странах мира они награждаются боевыми медалями, то у нас их эшелонами отправляли в концлагеря. Этот грех не отмолим, а поскольку Советская власть постаралась навсегда избавить подрастающие поколения от самого понятия греха, то нам, еще помнящим, что сие означает, необходимо постоянно напоминать детям и внукам об их ответственности за моральную несо- крушимость государства.

Однако все имеет свое начало. И начало восстановления России не в неумелом держании свечи, не в неуклюжих поклонах и не в столь же неук- люжих, неотработанных, с детства не поставленных осенениях себя крестом. Оно – в постижении Учения Христа, но готовы ли мы к такому постижению? Язычество въелось в наши души за три поколения безбожников, с восторгом сокрушавших Храмы, и никакое восстановление их нам в этом не поможет, потому что восстановление Веры может быть осуществимо только через се- мью. Через ее обычаи, разъяснения, искренний пример старших. Иного пути просто не существует, потому что если общественная мораль опирается на моральный кодекс общества, то нравственность каждого ее члена воспитыва- ется в семейной колыбели.

Вся совокупность возрождения утраченного три четверти века назад есть, с моей точки зрения, единственный путь реформирования армии, если не рассматривать эту реформацию только с профессионально количественной стороны. Можно сколь угодно громко и неуместно кричать о патриотизме, можно сколь угодно часто поминать имя Божье всуе – слова лишь сотрясают воздух, оставаясь словами. То есть, наименованием того, чего не существует в душе.

Почему в нашей, славянской по коренному составу и истории армии, до сей поры не восстановлены славянские наименования среднего командного состава? Почему до сей поры ей не вернули подпоручиков, поручиков и штабс-капитанов? Почему в ротях пять офицеров, хотя Россия веками обхо-

дилась тремя? Потому что ее унтер-офицерский состав малочислен, он давно уже требует максимум пяти, от силы – семи подчиненных в распоряжении младшего командира. Так было в Русской армии, где унтер-офицеры командовали взводами, а офицеры – только полуротами.

В нашей армии существует болезненная язва, образовавшаяся вследствие того, что в силу необходимости (большие потери людского состава в начале Великой Отечественной войны), мы вынуждены были призывать в армию юношей с 18-и лет. Этот приказ действует и поныне, что и породило так называемую «дедовщину», пугающую не только родителей призывников, но и самих призывников. Россия, равно как и унаследовавшая ей Красная Армия призывали в свои ряды юношей в 19 лет. Т.е., по сути мужчин, уже осознавших себя таковыми. Парня в 19 лет не заставишь мыть солдатский сортир зубной щеткой: он уже дорожит собственным достоинством и не боится никакой гауптвахты. Кроме того, в Русской армии существовала традиция наставничества, когда старослужащий брал под свою опеку новобранца. Эту традицию необходимо вернуть, равно как и призыв с девятнадцати лет при соблюдении различного рода льгот, введенных Приказом. Тогда сама собой исчезнет «дедовщина», а вместе с нею и повсеместная нелюбовь к армии, которую невозможно вернуть никакими самыми страстными призывами СМИ.

И все же самым насущным в грядущей и – еще раз подчеркиваю – давно назревшей реформе мне представляется передача всей финансово-экономической ответственности в руки командиров полков. Социализм, согласно старому лозунгу, конечно же – учет, но учет социалистический, то есть, коллективный. Капиталистический учет есть учет персональный, что в современных условиях представляется мне особенно важным. Это резко сократит бездумно раздутый штат военных чиновников, которых в нашей армии – по три с половиной на каждую боевую единицу. В армию давно пора ввести современную, то есть, капиталистическую, личную ответственность.